

© 2009 г.

Д.О. ЧУРАКОВ

1917 год В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

Так сложилось, что дискуссии по важнейшим вопросам отечественной истории в центральных академических журналах нередко становились заметными вехами, определявшими становление нашей исторической науки на несколько лет, а то и десятилетие вперед. К такого рода вопросам, давно требующим переосмысления, без сомнения, относится Русская революция 1917 г. Актуальность революционной тематики очевидна не только с точки зрения науки, ярким примером чему могут служить перипетии с переименованиями, а затем и переносом общенационального праздника с 7 на 4 ноября, что не имеет никаких реальных оснований в бурном XVII в. Поэтому тот факт, что сразу два академических исторических журнала на своих страницах поместили материалы по 1917 г., не может не обнадеживать. Особого внимания, на мой взгляд, заслуживает статья профессора МГУ Н.Д. Ерофеева "Современная отечественная историография русской революции 1917 года"¹. Она носит развернутый, обобщающий характер, содержит не только интересные размышления, но и важный статистический материал, в определенной мере отражающий современный этап изучения 1917 г. в нашей стране. В тоже время историографический обзор Н.Д. Ерофеева – это не окончательный вердикт, а приглашение к дальнейшему разговору.

Привлекает, что Н.Д. Ерофеев дает анализ современной историографии 1917 г. на широком фоне. Его интерес к общественному мнению проявляется, например, уже в том, что большинство работ, на которые он дает сноски, – это публикации, носящие публицистический характер. Среди их авторов не только политики, литераторы и журналисты. Многие профессиональные историки, которые известны как специалисты в других областях исторического знания, приняли решение сформулировать свое гражданское отношение к революции. Вне такого подхода, разумеется, совершенно невозможно понять современное отношение общества к 1917 г., но судить по этим книгам, газетным статьям и отдельным фразам, сказанным вскользь на политических мероприятиях, о развитии современной *научной* картины русской революции все же не следует. В этом, как представляется, статья Н.Д. Ерофеева требует некоторого уточнения и дополнения.

Прежде всего это относится к предложенной им классификации существующих ныне в историографии направлений. Н.Д. Ерофеев выделяет три направления: консервативное, либеральное и социалистическое. Свой подход он противопоставляет подходу А.Н. Сахарова, который называет в качестве направлений современной историографии 1917 г. либерально-коммунистическое, ортодоксально-марксистское и антимарксистское. В действительности большой разницы между этими подходами не наблюдается: оба историка так или иначе базируются на социально-политическом,

Чураков Дмитрий Олегович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета.

¹ Новая и новейшая история, 2009, № 2.

идеологическом подходе. В своих основных чертах их подход вырастает из советского, а тот – из предложенного в свое время еще В.И. Лениным, притом для вполне конкретных, очень узких практических целей. Для понимания тенденций развития общественного мнения и классификации работ, которые заполняют в книжных магазинах секцию политической публицистики², такой взгляд на современную историографию достаточен, но при этом не обходится без парадоксов. К примеру, И.Я. Фроянов, о котором говорится в статье Н.Д. Ерофеева, по всем предложенным в ней признакам классификации должен быть отнесен к консерваторам, тогда как в действительности в политическом плане он прежде всегда примыкал к социалистическому лагерю³. Что же касается собственно научных работ, то для них "лейблы" идеологического и политического свойства не слишком-то и пригодны.

Что же следует взять за основу, для классификации работ *профессиональных историков революции*, чтобы понять сегодняшнее состояние именно *научного* поиска? Здесь ничего изобретать тоже не нужно. Достаточно учитывать философские основы и методологические ориентиры, которые положены в основу тех или иных работ. Как известно, базой советской историографии считался исторический материализм. Упрощенный, сведенный к нескольким простым формулам⁴, он с определенного времени перестал удовлетворять довольно широкий круг историков, которые сегодня стремятся откеститься от прежних подходов, а то и вовсе избежать четкого обозначения своих методологических принципов. Теоретическому анализу они предпочитают повышенное внимание к историческому факту.

На практике это означает вовсе не бегство философии из истории, а несколько иное – влияние на современную историографию различных позитивистских и постмодернистских течений, представители которых видят мир не как целостное полотно, а как мозаику. Следствием этого, помимо всего прочего, стало очевидное падение интереса к написанию работ обобщающего плана и господство исследований по узкой проблематике⁵. Не спасают претензии некоторых современных философских систем, в частности синергетики (о которой говорится в статье Н.Д. Ерофеева), "преодолеть несостоятельность прежней научной картины мира". Несмотря на то, что 1917 г., с порожденными им хаосом и нестабильностью всех общественных систем, альтернативностью и вырастающей из самых "низов" российского общества самоорганизацией очень "выгодная" для синергетиков тема, специальных работ по истории Русской революции 1917 г. они не предложили, ограничиваясь критикой своих предшественников и декларациями общего плана⁶.

Важнейшим компонентом прежнего советского взгляда на историю являлся формационный подход. Сегодня ему противостоит множество других историософских схем. Правда, при всем их многообразии, все они вполне могут быть сведены к двум основным – теории модернизации и цивилизационному подходу. На заре современного этапа историографии Русской революции 1917 г. господствовала теория модерни-

² Шамбаров В. Окультизм и корни Октябрьской революции. М., 2006; Кожин В.В. Революция: современный взгляд. – 1917 год. К 90-летию Февральской революции. М., 2007; Масоны и февральская революция 1917 года. М., 2007; Старилов Н. 1917. Не революция, а спецоперация! М., 2007; и др.

³ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого года. Взгляд из настоящего. М., 2002.

⁴ Подробнее см.: Холмс Л. Социальная история России: 1917–1941. Ростов-на-Дону, 1994, с. 27.

⁵ Отдельные публикации, в которых присутствует стремление авторов выйти на широкие обобщения, появившиеся в прошлом десятилетии, общей ситуации не меняют. См.: Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995; Леонов С.В. Рождение советской империи. М., 1997.

⁶ Кроме названных в статье Н.Д. Ерофеев авторов, см.: Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М., 2003; Ельчанинов М.С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. М., 2005; История и синергетика: Методология исследования. М., 2005. Пока все реальное влияние синергетики на отечественную историческую науку свелось к появлению нескольких будоражащих умы студенческой молодежи терминов: "точка бифуркации", "аттрактор", "флуктуация" и другие. Использование этих терминов весьма удобно, но с практической точки зрения ничего не добавляет.

зации, так как в некоторых своих второстепенных чертах могла напомнить прежний формационный подход, чем и привлекала многих историков и обществоведов. Как показывают некоторые суждения Н.Д. Ерофеева, не утратила теория модернизации своей популярности и в наши дни. Не менее широк круг приверженцев цивилизационного подхода.

Уже в середине 90-х годов XX в. обе альтернативные историософские системы показали свою ограниченность и неспособность охватить российские реалии начала XX в. во всей их широте и многообразии. Отсюда довольно рано обозначилось стремление отдельных историков попытаться соединить оба эти метода. Увы, подобные эксперименты являются свидетельством недостаточной осведомленности отечественных историков относительно базовых принципов теории модернизации и цивилизационного подхода. Цивилизационный подход провозглашает не просто самоценность обособленных цивилизаций, а неповторимость законов их развития. Теория модернизации строится на кардинально иных воззрениях. В трудах ее основоположников под модернизацией подразумевается отнюдь не любое обновление, а такое, которое позволяет отстающим подтягиваться к передовой цивилизации, перенимать принципы ее устройства. Стоит ли добавлять, что под "передовой цивилизацией" основоположники теории модернизации понимали западную цивилизацию, а под отстающими – все остальные?

Тут уж приходится определяться: либо Россия, как гласит цивилизационный подход, пришла к революции 1917 г. и проследовала дальше своим особым путем, либо она повторяла путь развития, проделанный более динамичными странами Западной Европы и Северной Америки. Совместить одно с другим ни на базе цивилизационного подхода, ни на базе теории модернизации невозможно. Тот факт, что на практике в первой трети XX в. наша страна с одной стороны сохраняла существенную самобытность, а с другой – перенимала у соседей на Западе некоторые институты и обычаи, говорит лишь о том, что современные подходы не способны отразить действительность во всей ее полноте. В этой связи философ Ю.И. Семенов отмечает некоторое усиление позиций исторического материализма в западной исторической науке. Он так же предлагает собственный, качественно обновленный вариант формационного подхода, который сам автор называет "глобально-формационным"⁷. Научному сообществу еще предстоит продолжить поиски единой методологии, в рамках которой можно будет объяснить все парадоксы российской истории.

Несмотря на очевидные проблемы, стоящие сегодня перед историками, профессионально изучающими 1917 г., им все же удалось добиться определенных успехов, что позволяет смотреть в будущее уверенно. Даже некоторая отрешенность современных авторов от философских и мировоззренческих дискуссий имеет не только негативную, но и определенную положительную сторону. Влияние на современных историков со стороны позитивистских умонастроений способствует сохранению и расширению интереса к источникам, который был характерен (понятно, что по несколько иным причинам) и для советской историографии на заключительном этапе ее развития. Выявление и введение в научный оборот новых источников (в том числе через их публикацию), без сомнения, повышает общий уровень современной историографии⁸.

Уже само по себе расширение источниковой базы раздвигает границы изучаемой проблематики, сопровождается появлением новых оригинальных подходов к событи-

⁷ Семенов Ю.И. *Философия истории*. М., 1999, с. 239 и др.

⁸ Чтобы дать представление о разнообразии публикуемых ныне источников, назову некоторые из них: Петроградский совет профессиональных союзов в 1917 г. *Протоколы и материалы* / Составитель Е. Цудзи. СПб., 1997; *Данилов Ю.* На пути к крушению. Очерки последнего периода Российской монархии. М., 2000; *Из истории борьбы за власть в 1917 году. Сборник документов*. М., 2002; Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. *Протоколы и материалы заседаний*. СПб., 2003; *Волин В.М.* Неизвестная революция. М., 2005; *Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг.* М., 2006; *Керенский А.Ф.* Дневник политика. Революция началась! Издалека. Дело Корнилова. М., 2007; и др.

ям революционной поры. В этой связи нельзя умолчать еще об одной важной черте современной историографии Русской революции 1917 г. Для исторической науки второй половины 80-х, а так же всех 90-х годов прошлого века было присуще заимствовать подходы, темы и оценки из трудов западных коллег. Сегодня процесс ввода в научный оборот хорошо известных на Западе, но мало известных у нас исследований продолжается⁹, но уже не это определяет характер взаимодействия отечественной и зарубежной историографии. В наши дни российские историки становятся равноправными участниками диалога между различными национальными историческими школами. Выходящие у нас новейшие работы зарубежных исследователей не только влияют на состояние российской историографии, но и сами, в том или ином виде, опираются на результаты ее новейшего развития¹⁰.

Результатом этого стало закрепление в трудах современных авторов точки зрения на 1917 г. как на единое явление. В советской историографии, как известно, с определенного времени речь шла о двух революциях: буржуазно-демократической февральской и пролетарской, т.е. социалистической, произошедшей в октябре. Февральская революция трактовалась как своего рода пролог, один из промежуточных этапов на пути к Великой Октябрьской социалистической революции. Такой взгляд не прижился ни в эмигрантской, ни в зарубежной историографии. Там революция 1917 г. излагалась как единая. Отчасти это диктовалось стремлением принизить успех большевиков в октябре 1917 г., отчасти – реалиями революционной поры. Даже многие большевистские авторы до установления жестких официальных канонов писали о революции 1917 г. как о единой¹¹.

В литературе нередко можно встретить широкий взгляд на эпоху выбора Россией своего пути в начале XIX в. В статье Н.Д. Ерофеева говорится об одной революции 1917 г., но отвергаются попытки распространить понятие революции на Гражданскую войну, которую автор считает отдельным историческим периодом. Однако в трудах западных авторов и прежде, и в наши дни события 1917 г. подчас трактуют в контексте событий и первой русской революции, и Гражданской войны, и даже начального периода строительства социализма¹². В одной из немногих обобщающих работ российских авторов, вышедших уже в этом веке, воспроизводится как раз эта точка зре-

⁹ От эпизодических в прошлом публикаций, сегодня некоторые российские издатели перешли к целым сериям. Так, в серии "Россия в переломный момент истории" вышли книги: *Уорт Р.* Антанта и русская революция. 1917–1918. М., 2006; *Эврич П.* Русские Анархисты. М., 2006; *Кенз П.* Красная атака, белое сопротивление. М., 2007; и др.

¹⁰ Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. М., 2001; *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007.

¹¹ *Суханов Н.Н.* Записки о революции, т. 1–3. М., 1991–1992; *Троцкий Л.Д.* История русской революции: В 2 т. М., 1997; *Милуков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001.

¹² Если взять крайние мнения на этот счет, то мы увидим, что в качестве единого подчас рассматривается период с 1905 по 1929 г., т.е. от первой русской революции до "сталинской революции сверху". См.: *Карр Э.* Русская революция: От Ленина до Сталина, 1917–1929. М. 1990; *Пайнс Р.* Русская революция. В 2-х т. М., 1994; *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. → 1917–1922 гг. М., 1997; *Петибридж Р.* Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побежденных. 1905–1918. М., 2006. В этой связи напрашивается наблюдение относительно собранной Н.Д. Ерофеевым обобщающей статистической информации о количестве новейших работ по революционной тематике. Необходимо отметить ее условный характер. Прежде всего не ясны критерии, по которым учитывались те или иные диссертации и, особенно, публикации. Обстоятельный анализ отдельных сторон революции содержится во множестве работ, которые тематически и даже хронологически, казалось бы, не имеют к ней никакого отношения. Это, в частности, работы по эмиграции, Гражданской войне, индустриальному строительству 30-х годов XX в. и др. Взгляды авторов этих исследований также должны приниматься во внимание, ведь их наблюдения и выводы подчас глубже и более обоснованы, нежели отдельные высказывания, статьи и даже объемистые книги, приводимые в статье Н.Д. Ерофеевым.

ния¹³. Взгляды, объединяющие события Февраля и Октября 1917 г., а так же Гражданской войны, сегодня широко внедряются в массовое сознание не только через публицистику¹⁴, но и через учебную литературу.

Такие трактовки характерны и для вузовских¹⁵, и для школьных учебников. Авторы одного из них именно такую точку зрения и подводят под тот материал, который предлагают на усвоение учащимся. Они, в частности, пишут: "В современной науке революция 1917 г. не разделяется на два этапа – Февральскую и Октябрьскую революции, как это было в советское время. Историки справедливо пишут, что после крушения самодержавия события представляли собой единый бурный поток, сметающий на своем пути и либеральные иллюзии, и марксистские утопии, и мечты российской интеллигенции о свободе и демократии... Сегодня можно говорить о революции 1917 г. как едином процессе, открывшем новую страницу отечественной истории"¹⁶. О роли учебной литературы в современном историографическом процессе говорится и в статье Н.Д. Ерофеева, но эта тема настолько важная, что заслуживает отдельного разговора.

На этом историографическом фоне стремление российских историков сегодняшнего поколения писать не о двух, а только об одной революции 1917 г. вовсе не кажутся неожиданными. Сегодня это воспринимается как данность. Но стоит ли напрочь отбрасывать подход, присущий советской историографии? Для некоторых этот отказ имеет вовсе не методологический, а сугубо идеологический характер, что уже само по себе заставляет задуматься о правомерности наметившейся в этом вопросе "смене вех". Представляется, что вопрос об определении хронологических границ вообще и революции 1917 г. в частности должен быть подчинен решаемым научным задачам. Если под революцией понимается резкая смена вектора движения, переход от одной ступени (или модели) цивилизационного развития к другой, вполне приемлемо выделять две самостоятельные революции. Если же речь заходит о тенденциях, определявших лицо всей переходной эпохи, то в этом случае правомерно говорить о единой Великой Русской революции, как говорят в мире о единой Великой Французской.

Понимание революции 1917 г. как единой позволило современным историкам глубже разобраться в таких проблемах, как, например, ее характер, движущие силы, специфика по сравнению с другими вызванными Первой мировой войной революциями и т.д. Не оставлена в стороне и такая тема, как причины и предпосылки революции¹⁷. Разбираются как общие причины революции 1917 г., так и каждого ее этапа. Вопрос о причинах и предпосылках революции для отечественной исторической науки всегда был одним из ключевых, однако в наши дни он решается несколько иначе, чем в советской историографии. В новом подходе можно отметить свои сильные и слабые стороны. Сегодня доминирует концепция, если так можно выразиться, плюралистичности причин и предпосылок революции, когда процессы перехода от аграрного к индустриальному обществу рассматриваются не только в экономической, но и остальных сферах жизни общества¹⁸.

Через учет культурных, психоментальных, этнографических и других реальностей, прежде остававшихся почти неизученными, а также, что особенно интересно, через

¹³ Драма российской истории: большевики и революция. М., 2002.

¹⁴ Наиболее показательна в этом книга, вышедшая огромным по нынешним временам тиражом в 40 тыс. экземпляров и буквально заполонившая книжные прилавки: Веллер М., Буровский А. Гражданская история безумной войны. М., 2007. С подобными тиражами могут потягаться только книги А.Т. Фоменко и В.Б. Резуна.

¹⁵ См., например: История России XX – начала XXI века. Под ред. Л.В. Милова. М., 2006; Новейшая отечественная история. XX в. в 2-х кн. Под ред. Э.М. Щагина. М., 2009.

¹⁶ Киселев А.Ф., Попов В.П. История России. XX – начало XXI века. М., 2007. С. 48.

¹⁷ См., например: Отечественная история, 2008, № 6.

¹⁸ Побочным отрицательным эффектом такого подхода является отказ определять доминирующие процессы, их почти полное растворение в пестром историческом фоне.

анализ явлений повседневной жизни все больше историков склоняются к тому, что предпосылки революции восходят к очень глубоким историческим пластам. В обострении революционной напряженности, того раскола общества, из которого она произрастала, выделяют не один, а несколько этапов, направлений, уровней¹⁹. Во всяком случае, современное научное понимание назревания революционного кризиса далеко от упрощенчества и сведения его причин к какому-то заговору, "немецким деньгам" и прочим мифологемам, которыми так богато современное общественное мнение и публицистические работы.

На фоне углубления противоречий внутри российского социума начиная, как минимум, с XVIII в. сиюминутные политические интриги не воспринимаются историками как решающие факторы. В статье Н.Д. Ерофеева разбирается критика, прозвучавшая из уст одного из наиболее авторитетных историков наших дней В.И. Старцева в адрес тех, кто списывает революцию на счет немецких шпионов²⁰. Эту же критическую линию продолжили ученики и единомышленники В.И. Старцева после его ухода из жизни. Усилиями историков постепенно проявляются как явные, так и тайные пружины революции. В центре внимания оказываются такие острые вопросы, как роль членов императорской фамилии в подготовке заговора. Кто-кто, а великие князья имели гораздо больше возможностей вмешаться в события и своими действиями вольно или невольно подтолкнуть наступление политического кризиса, чем все "тайные силы". Пристально изучается роль военных, причем не только таких явных сторонников смещения Николая II, как генерал М.В. Алексеев, но и ставшего в наши дни киногероем адмирала А.В. Колчака. Имелся ли внутри "заговора военных" более узкий "морской заговор"? С научных позиций продолжается разговор о роли в революции масонства – еще одна проблема, в прошлом изучавшаяся В.И. Старцевым²¹.

Придя к пониманию многофакторности причин и предпосылок революции, современная историческая наука и саму революцию видит как явление плюралистичное, принципиально сложное и многоуровневое по своей природе. В таком социальном организме, как Россия в различных ее составляющих историческое время движения неравномерно, это касается темпа, ритма и даже направленности. Соответственно в различных сегментах российского общества существовали свои устремления в начавшейся революции. Такая постановка вопроса перекликается, как справедливо отмечает Н.Д. Ерофеев, который анализирует некоторые статьи П.В. Волобуева и В.П. Булдакова, с прежними представлениями о многоукладности российской экономики, но существенно шире, т.к. затрагивает еще и психологические, социальные, культурные и другие аспекты переживаемого Россией кризиса. Взгляд на революцию 1917 г. как на комплекс нескольких сосуществующих революций был предложен российским коллегам японским историком Х. Вада еще в годы "горбачевской перестройки" и с тех пор приобрел немало сторонников²².

Диалектический взгляд на революцию как на единый, но сложноорганизованный процесс со множеством составляющих его компонентов позволяет глубже осветить традиционные и поставить новые вопросы, которые прежде находились вне научного поиска. В частности, проясняются все дополнительные грани развернувшегося в России перехода от традиционного к гражданскому обществу. Сам по себе этот переход сопровождался возникновением нетрадиционных для прежней России социальных институтов, общественных отношений, элементов массовой психологии. В статье Н.Д. Ерофеева говорится, например, о значительном усилении антибуржуазности рос-

¹⁹ Наиболее полно и по дискуссионному остро такой подход излагается в книге: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

²⁰ *Старцев В.И.* Немецкие деньги и русская революция: ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2006.

²¹ Несколько работ по этим и другим острым проблемам помещено в сборнике, посвященном памяти ученого: *Политическая история России первой четверти XX века.* СПб., 2006.

²² *Вада Х.* Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды. М., 1999, с. 23.

сийского общества в начале XX в. Неприятие капитализма не обязательно было связано с "высокой политической сознательностью масс", в чем были уверены советские историки. Наоборот, многие передовые на тот момент тенденции развития отвергались населением в силу их чужеродности и непонятности. Россия, по определению академика Л.В. Милова и его последователей, является страной с недостаточным прибавочным продуктом, на психоментальном уровне это вело к повышенному чувству справедливости и порождало эгалитарные ожидания в ходе революции. Как пишет вслед за такими авторами, как В.М. Бухараев и Д.И. Люкшин, Н.Д. Ерофеев, это обернулось своеобразным реваншем архаики²³.

Не только причины, природа и результаты антибуржуазных настроений в революционной России, но и другие проявления неоднородности революции нашли свое отражение в трудах современных историков. Среди них на одном из наиболее важных мест, к примеру, проблема стихийности и организованности в революции. Для историков в СССР этот вопрос решался просто – большевистская партия внесла в революционные процессы организующее начало и все окончилось победой народа и установлением советского режима. В современной публицистике легко встретить еще более упрощенные подходы. Большевики, масоны, евреи, немцы, англичане, поляки, латыши и китайцы – кто угодно, только не русский народ совершал величайшую в истории человечества Русскую революцию 1917 г. Для большинства современных российских и зарубежных ученых ответ на данный вопрос выглядит не столь однозначно.

События Февраля 1917 г., с которыми, как правило, сегодня связывают начало революции, часто называют стихийными. Это, безусловно, не верно, но очень весомый фактор стихийности и спонтанности в сложившейся ситуации тех дней отрицать невозможно. Поскольку синергетика с ее культом случайного не может дать объяснений, каким образом разрозненные выступления "верхов" и "низов" привели к возникновению (пусть и не устойчивой в условиях России) либеральной системы, многие авторы в наши дни подводят под процессы самоорганизации те или иные объективные закономерности, стремятся проследить причинно-следственную связь между, казалось бы, разрозненными проявлениями революционной активности.

Поиск ведется по нескольким направлениям. Прежде всего анализируются национальные традиции населявших Россию народов в плане их вероятного влияния на процессы революционной самоорганизации. Ведь многие историки у нас уже преодолели прежние западнические представления, согласно которым реванш архаики – это возвращение к хаосу. В действительности происходила реанимация первичных механизмов саморегуляции доиндустриальной поры. Соответствующие тенденции мне приходилось изучать на примере революционных рабочих, которые были гораздо теснее связаны с их деревенскими корнями, чем это представлялось официальной советской историографии. Рабочим, противостоявшим попыткам фабриканта закрыть предприятие или уволить недовольных, не приходилось долго раздумывать, как сорганизоваться для самозащиты. От одной до двух третей рабочих с детства усвоили основные механизмы повседневной демократии в их общинно-артельном варианте.

Самоуправление в условиях новейшей капиталистической фабрики, естественно, не то же самое, что саморегулирование в условиях полунатурального крестьянского хозяйства, но психологическая и генетическая связь между российским пролетариатом и деревенским миром была жива и оказывала свое положительное влияние. Еще более четко организующие начала "общинной революции" могут быть прослежены на примере самого крестьянства, где падение царизма означало быстрое возвращение крестьянства к достопыпинским формам самоорганизации, к общине с ее архаичными установлениями. Иногда даже решения схода принимались, как это известно еще со

²³ См., например: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта, т. 1. М., 1991, с. 55–56; Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М., 1998.

времен новгородского веча – голосом, кто кого перекричит²⁴. В наши дни самостоятельная роль крестьянства, живучесть в нем традиционных начал вообще является одним из стержневых направлений в изучении всего комплекса проблем, связанных с предпосылками, развитием и результатами революции²⁵. Эти исследования показывают, в частности, что создаваемые крестьянством органы власти носили народный характер, влияние на них политических сил носило не абсолютный, ограниченный характер²⁶. А некоторым слоям сельского населения даже не пришлось ничего восстанавливать, так как традиционные формы трудовой демократии у них продолжали функционировать, хотя и здесь, революция, раскрепостила их внутреннюю энергию. Речь идет о казачестве и его институтах сословного самоуправления. Не случайно большинство казачества выступало за углубление революции вплоть до того времени, пока центральная большевистская власть не начала политику по ограничению их прав²⁷.

В свете новейших историографических тенденций неожиданно выглядят казалось бы совершенно привычные по еще советской историографии темы. Взять, к примеру, вопрос о влиянии на процессы самоорганизации "низов" их прежнего революционного опыта. Более широкий и не такой предвзятый, как прежде взгляд на эту сторону революционной эпохи показывает, что прежние трактовки совершенно устарели. Во-первых, проникая в народное сознание, новые революционные понятия и символы воспринимались сквозь призму традиционных воззрений, трансформировались²⁸. Во-вторых, став частью народного сознания, новые социалистические понятия, ритуалы и праздники трактовались не так, как было принято в кругах политизированной интеллигенции. В этой связи некоторыми историками, в частности С.В. Яровым, ставится вопрос критического истолкования языка революционного времени²⁹.

Совершенно не так, как прежде в свете вопроса о соотношении сознательного и стихийного в революционном протесте масс выглядит роль символов и новых революционных праздников. Сегодня появилось уже несколько работ, среди которых особого внимания заслуживает монография Б.И. Колоницкого, где их роль получает трактовку не как пассивных, а как активных факторов революции. Б.И. Колоницкий говорит о роли символов, навыков и традиций в организации революционных действий, социального пространства, коллективной памяти. Человек, певший "Варшавянку" или взявший в руки алое полотнище, уже одним только этим вносил организованность не только в действие революционной массы, но и противоположной стороны. Красный флаг и сам знаменосец становился центром, вокруг которого разворачивались основные события, закипала борьба³⁰. Позже язык, символы, советские праздники и т.п. стали тем мостиком, на котором строилось взаимодействие революционной власти и населения. С одной стороны, они превращались в инструмент контроля и управления (образно выражаясь, говорить по-большевистски, значит в какой-то мере и думать по-большевистски). С другой – лабораториями конформизма, через которые население вживалось в новую постреволюционную реальность³¹.

²⁴ Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России. М., 1992, с. 96.

²⁵ См. например: Шагин Э.М. Очерки истории России, ее историографии и источниковедения (конец XIX – середина XX вв.). М., 2008; Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008.

²⁶ Подробнее см., например: Куреньшев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000.

²⁷ Трут В.П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007.

²⁸ См. ряд материалов таких известных российских и зарубежных исследователей, как Ю.И. Кирьянов, Л. Хаймсон и др., помещенных в книге: Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб., 1997.

²⁹ Яров С.В. Источники по истории политического протеста в Советской России в 1918–1923 гг. СПб., 2001.

³⁰ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001.

³¹ Мальшева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005; Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб., 2006.

Таким образом, народ уже не предстает перед нами серой безликой массой, ведомой вождями. Он – самостоятельный субъект истории. Даже его стихийные действия нередко имели рациональную природу и могли постепенно трансформироваться в сознательные. Видимо отсюда и проистекает отмечаемая Н.Д. Ерофеевым психологизация истории: важно понять механизмы самоорганизации на этом, можно сказать, одном из базовых, личностном уровне. В условиях, когда вслед за монархией рушилось само государство, мораль, нормы поведения, весь привычный уклад жизни, именно от личного выбора каждого могло зависеть развитие ситуации в целом на каком-либо локальном участнике. Личный выбор многих предопределял и конструировал специфическое поле политических настроений широких масс, которое принимало упорядоченный характер благодаря внедренным в массовое сознание "маячкам": традициям, ритуалам, символам, революционному языку. Массовые настроения в дальнейшем конкретизировались в действия и поступки³².

Как уже отмечалось, в России существовали не только элементы традиционного общества, но и свой тип общества гражданского – еще не окончательно сложившегося, но уже обладавшего своей ярко выраженной спецификой. В том числе в нем совсем иначе проявлялось соотношение стихийного и сознательного. В предреволюционной России гражданское общество складывалось преимущественно на базе образованных классов, прежде всего интеллигенции. И хотя интеллигенция получила от революции совсем не то, на что надеялась, ее действия носили гораздо более целенаправленный характер, нежели других слоев революционной России. Именно ее политизированные представители занимались общественной деятельностью, создавали партии и профсоюзы. Интеллигенция, наряду с бюрократией, наполняла структуры власти еще до революции, а в ходе нее на время заняла в них доминирующее положение. Наконец усилиями интеллигенции формировалось общественное мнение, поскольку именно интеллигенция выступала основной "интеллектуальной и рабочей силой" самых разнообразных печатных изданий от монархических до социалистических³³. Поэтому изучение гражданского общества в условиях революции ведется в современной науке преимущественно через анализ гражданских и политических институтов, органов власти и самоорганизации.

Особенности изучения политической истории революции, а также истории массовых общественных организаций на нынешнем этапе хорошо подмечены Н.Д. Ерофеевым. К сказанному им следует добавить еще несколько штрихов. Важным проявлением современного подхода к политической стороне революции становится постановка в историографии проблемы взаимоотношений власти и общества, который решается как на центральном, так и на региональном уровне³⁴. Именно такая постановка проблемы неслучайна и имеет выраженное современное звучание. В частности, многих представителей интеллигенции в условиях укрепления власти сегодня волнует вопрос о демократической альтернативе в Русской революции 1917 г. Неоднократно поднимается эта тема и в статье Н.Д. Ерофеева. Если одни историки чересчур радужно оце-

³² Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999; Поршинева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920. СПб., 2005; Кириянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы первой мировой войны (июль 1914–февраль 1917 гг.) М., 2005; Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009.

³³ Многие историки сегодня поднимают проблему революционной печати в качестве самостоятельной. См., например: Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). М., 2002.

³⁴ Кабытова Н.Н. Власть и общество в российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002; Общество и власть. Российская провинция. 1917 – середина 1930-х годов. М.; Нижний Новгород; Париж, 2002.

нивают демократические тенденции 1917 г., то другие сомневаются можно ли вообще говорить о демократизме даже Февральской революции?³⁵ Сами участники событий были рады подчеркнуть демократический потенциал революции, заявить, что благодаря им Россия стала самой свободной страной в мире. Но можно ли считать свободной и демократической страну, раздираемую классовыми противоречиями, страну, с разрушенными нормами морали и мировоззренческими ориентирами, страну, где большинство населения со страхом смотрит в будущее, опасаясь ножа погромщика или простого уличного грабителя?³⁶

Как в той взрывоопасной обстановке повели себя старые и новые демократические органы власти? Известно, что в период смены режима в феврале 1917 г. широкие народные массы двинулись к прежним представительным органам. Это было и в провинции, но особенно ярко проявилось в Петрограде. Народ, по всей видимости, воспринимал их как некую основу, на которой после разрушения самодержавия начнется строительство революционной власти. Почему же ни дума, ни земства на долгосрочную перспективу не стали проводниками демократической линии в революции? Из-за своей пассивности или из-за полного несоответствия ситуации? Смогли ли стать новые демократические гражданские учреждения реальной альтернативой хаосу и диктатуре? Без конкретных исследований любой ответ на этот вопрос будет ничего не значащей политической декларацией³⁷.

Как видим, за последние 10–15 лет отечественная историческая наука проделала большой путь в изучении революции от первых, еще "детских", попыток ограничиться простой перестановкой местами плюсов и минусов в оценках до действительно смелых новаторских решений непростых вопросов. Но любой историографический очерк будет неполным без хотя бы самого краткого анализа еще одной проблемы, особенно значимой для новейшей историографии. Речь идет о гуманитарном измерении революции. Эта тема была заявлена уже на заре становления современного этапа отечественной историографии 1917 г., и с тех пор она привлекает к себе самое пристальное внимание. Благодаря этому подходу к революции удалось совершенно по-новому осветить многие традиционные темы, завязанные на повседневность рядовых участников революции – маленьких героев большой истории.

Мы, живущие в столь же переломную эпоху, вполне способны во всей полноте представить, что означало для большинства рядовых участников событий крушение прежней аграрной и рождение индустриальной цивилизации. Вместе с привычными устоями ломалась сама жизнь "маленьких людей". Развитие капитализма отнюдь не уничтожало форм докапиталистической эксплуатации. К прежним точкам социальной напряженности добавлялись новые. Само по себе свержение самодержавия отнюдь не решило накопившихся в обществе противоречий, особенно тех, что стали причиной упадка экономики и, соответственно, снижения уровня жизни подавляющего большинства современников событий. Наоборот, вопреки тому, что утверждалось

³⁵ См. обсуждение этой проблемы: Февральская революция 1917 года в российской истории. – Отечественная история, 2007, № 5.

³⁶ Любопытная оценка содержится в одной из недавних публикаций. В ней Февраль называется не демократической, не буржуазной, а уголовной революцией. Рост криминогенной обстановки характерен для всего дореволюционного и революционного времени (См.: *Иконников-Галицкий А.* Хроники петербургских преступлений: Черные дни красного города. 1917–1922. СПб., 2008). Девиантное поведение становится "нормой", бунты, пьяные погромы – частью революционной культуры толпы (См.: *Канищев В.В.* Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995).

³⁷ *Герасименко Г.А.* Народ и власть. 1917. М., 1995; *Лавров В.М.* "Крестьянский парламент" России. Всероссийские съезды советов крестьянских депутатов в 1917–1918 гг. М., 1996; *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998; *Руднева С.Е.* Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.). История форума. М., 2000.

в советской историографии, сегодня можно считать доказанным, что по-настоящему экономический кризис разразился только при Временном правительстве.

Как справедливо заметил современный исследователь Р.А. Белоусов, если Временное правительство получило от царского режима деформированную, но в целом еще жизнеспособную экономику, то пришедшей ему на смену большевистской власти после нескольких месяцев господства либералов досталось совсем иное наследство: ее предшественники умудрились в сжатые сроки расстроить важнейшие звенья российской экономики. Тем самым "стартовые экономические условия" второго этапа революции были ощутимо хуже, нежели в феврале³⁸. Но еще сложнее существование "маленького человека" сделалась после октября. Очередной революционной власти, на этот раз уже не либеральной, а социалистической, несмотря на все ее социальные заверения, было не под силу в одночасье переломить негативные тенденции, хотя, подчиняясь логике событий, большевики предпринимали усилия по мобилизации производства, больше надеясь, чем рассчитывая не допустить полного паралича страны³⁹.

Эпохальными и судьбоносными революционные перемены выглядели с точки зрения нации в целом. А как они воспринимались при взгляде снизу? Распад социального пространства создавал ситуацию, которую один современный историк вполне справедливо назвал жизнью в катастрофе⁴⁰. Другой современный исследователь даже утверждает, что революционный период в плане положения населения был самым тяжелым не только в XX в., но и за три предшествующих ему столетия⁴¹. Сегодняшние историки показывают, что переживали тогда простые люди очень наглядно, вплоть до "рецептов" тех "блюд", которые приходилось готовить из полугнилых продуктов и отбросов: картофельной шелухи, кофейной гущи, рыбьих костей. Выбор, стоявший перед людьми, часто сводился к выбору стратегий выживания – индивидуальных или коллективных⁴². В свете этого становится гораздо понятнее та тяга общества к самоорганизации, о которой говорилось выше. Круг замыкается: рациональность растворяется в повседневности, а личный опыт вырабатывает сознательное отношение к происходящему.

В качестве итога Н.Д. Ерофеев дает обобщенную оценку современного состояния историографии Русской революции 1917 г. В целом можно согласиться с оптимизмом автора. Но некоторые высказанные им конкретные соображения не столь однозначны. Действительно ли сокращение работ по революции связано с либерализацией российского общества? Может быть дело все же в кризисе в нашей стране исторической науки как таковой, вызванном не в последнюю очередь удручающим недофинансированием? Сложно, конечно, ожидать того бума интереса к нашей науке, который страна пережила в конце 80-х годов XX в. Но снижение конкурсов при поступлении на исторические факультеты, процесс старения кафедр, сокращение тиражей исторических журналов и монографий – явления одного порядка с падением числа публикаций и докторских исследований по тем или иным периодам отечественной истории. Дале-

³⁸ Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. М., 1999, с. 81–82.

³⁹ Галин В.В. Интервенция и гражданская война. М., 2004, с. 228–230, 248 и др. Отметим также, что социально-экономическая политика большевиков в меньшей, чем прежде, мере, но по-прежнему привлекает внимание профессиональных историков, которым удалось привнести довольно много в изучение этой проблематики (см., например: *Ильюхов А.А.* Политика Советской власти в сфере труда (1917–1922 гг.). Смоленск, 1998; *Филоненко А.Л.* Зарождение советской системы управления промышленностью. Магнитогорск, 2000; *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в советской России (1918–1924 гг.). М., 2006 и др.).

⁴⁰ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

⁴¹ Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. М., 2007, с. 3.

⁴² Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999; Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. СПб., 2000; *Давыдов А.Ю.* Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Методические. СПб., 2002.

ко не всегда столь уж плодотворной, как это может показаться на первый взгляд, является ситуация с нынешним методологическим многообразием, в особенности если оно сопровождается снижением уровня теоретических обобщений.

И совсем уж не радуется, что несмотря на официальные заявления о пользе деполитизации исторического знания, история до сих пор становится чаще ареной баталий сугубо политических, а вовсе не академических. Заглядывая вперед, отметим, что профессиональным историкам еще предстоит избавиться от давления со стороны разного рода драматургов, публицистов, политиков и просто графоманов. Понятно, что историк сегодня не может не чувствовать воздействий со стороны общества и не откликаться на них. Но, имея дело с уникальными, интереснейшими, нередко прежде никому, кроме него не известными материалами по истории революции, именно историк способен направлять развитие общественного мнения, предлагать *научную картину* революции, чтобы потом она ретранслировалась прессой, учитывалась политиками, попадала в учебники, художественно перерабатывалась в литературе, театре, кино. Один из моих учителей как-то сказал, что множественность интерпретаций одного и того же исторического факта свидетельствует о том, что он недостаточно изучен. А кто, как не профессиональные историки, должен заниматься изучением закономерностей развития нашего государства в переломные исторические эпохи? Разве не в этом одно из основных предназначений нашей науки?